

РККА в 30-е гг. XX века: проблемы воинской дисциплины

В. В. Жарков

Рассмотрены основные направления нарушений воинской дисциплины в РККА в 30-е гг. XX века. Выявлены причины роста нарушений в рассматриваемый период. Проанализирована роль военно-политического руководства страны в борьбе с негативными проявлениями в Красной армии. Рассмотрены нарушения воинской дисциплины, проявившиеся в локальных войнах и военных конфликтах.

Ключевые слова: воинская дисциплина, коллективные нарушения, самоубийства, самовольные отлучки, дезертирство, членовредительство, чистка, расстрел, самострелы.

The Red Army in the 30-s of the XX-th Century: Problems of Military Discipline

V. V. Zharkov

The basic directions of infringements of the military discipline in the Red Army in 30-s of the XX-th century are considered. The reasons of growth of infringements during the considered period are pointed out. The role of the military-political country leaders in the struggle against negative displays in the Red Army is analysed. The infringements of the military discipline shown in local wars and military conflicts are considered.

Key words: military discipline, collective infringements, suicides, self-willed absences, desertion, maiming, cleaning, shooting, self-inflicted wounds.

В 1930-е гг. сложилась нелицеприятная ситуация с воинской дисциплиной в Красной армии. Работа по ее укреплению была крайне необходима, существовал ряд предпосылок, резко ухудшивших дисциплинарную ситуацию: во-первых, репрессии в армейской среде; во-вторых, территориальное военное строительство; в-третьих, количественный рост Красной армии в предвоенный период. Эти и другие факторы провоцировали многочисленные нарушения воинской дисциплины, которые крайне негативно сказывались на моральном состоянии воинов.

Так, например, за январь – март 1931 г. во всех военных округах было зарегистрировано 522 нарушения, из них: самоубийств и покушений на самоубийство – 188; случаев членовредительства – 50; дезертирства – 189; коллективных нарушений – 95, а также за этот период был зарегистрирован 31 случай крупных пожаров и 21 случай голодовок [1].

В сводках ПУРККА стала чаще появляться информация о дезертирстве красноармейцев. За ноябрь – декабрь 1931 г. по 6 военным округам в бегах находились 112 человек, причем большинство молодые красноармейцы [2]. Появились сообщения о побегах за границу: в 1931 г. отмечено 6 случаев (8 участников), а в 1930 г. 2 случая (2 участника). Из них в Польшу – 2, в Румынию – 3, в Турцию – 1, в Афганистан – 2 человека [3].

Нередки стали случаи проявления отрицательных настроений и недовольств, так, в 1933 г. было отмечено 346 771 таких случаев [4].

Перед руководством РККА встала проблема укрепления воинской дисциплины. Выступая на совещании политсостава в августе 1937 г., на-

чалник Политического управления РККА П. А. Смирнов отметил, что «элементы растерянности захватили некоторую часть руководителей, которые потеряли волю и выпустили вожжи из рук. Есть некоторый упадок дисциплины, много происшествий, аварий, самоубийств, поджогов, увечья людей... Число дисциплинарных проступков очень велико. С 1 января 1937 г. по 1 мая 1937 г. мы имеем здесь астрономическую цифру – 400 тыс. ...» [5].

Нарком обороны К. Е. Ворошилов, выступая на Всеармейском совещании политработников РККА в апреле 1938 г., констатировал: «Слишком много у нас происходит безобразий с нашей, так называемой, дисциплинарной практикой. Товарищ Голиков сообщает здесь, что у них 80 тыс. взысканий было за год. Это умопомрачительная цифра, про нее кроме этого зала и говорить нельзя – очень позорна эта цифра» [6].

Как следствие, произошло повышение числа осужденных за воинские преступления. Значительно вырос процент осужденных со сроком от 3 лет и выше, то есть правонарушения стали носить все более серьезный характер. Если в 1929–1930 гг. среди начальствующего состава осуждено условно 6,3 %, то в 1930–1931 гг. условно осужденных не было; наказание сроком до 1 года отбывали 14,6 %, до 3 лет – 41,7 %, от 3 лет – 43,7 %.

В сводках и политдонесениях стали встречаться сообщения о значительном числе дисциплинарных нарушений. В особенности стал заметен рост коллективных нарушений и всяческого рода протестов (голодовок). Основными среди них являлись неисполнение приказа, отказ от

пищи, коллективные заявления, коллективные голодовки, явочные собрания и т. д.

Так, если в 1927–1928 гг. было отмечено 25 случаев голодовок, то за зиму 1929 г. – уже 69 случаев [7]. При анализе этих цифр можно с уверенностью сказать, что в армии с каждым годом увеличивалось недовольство проводимыми военно-политическим руководством страны мероприятиями.

В политдонесении Политического управления МВО за 1929 г. говорилось: «Коллективные нарушения дисциплины и отказ от пищи имеют в своей основе недостаточное и несвоевременное изучение настроений красноармейцев, небрежное отношение начсостава к нуждам последних» [8].

В 1927–1928 гг. число коллективных нарушений в Красной армии составило 442 случая, а за период 1928–1929 гг. 449 случаев. Основными причинами нарушений воинской дисциплины стали:

– во-первых, хозяйственно-бытовые недочеты и недочеты работы начсостава (61,8 % и 62,5 % соответственно);

– во-вторых, повышенная требовательность и нежелание подчиняться уставному порядку (38,2 % и 37,5 %) [9].

Преобладающими видами нарушений, по мнению начальника ПУРККА Л. З. Мехлиса, являлись следующие: перепалки с начальниками, нарушение строевого устава, уставов внутренней и караульной службы, небрежное отношение к сбережению оружия и боеприпасов, самовольные отлучки и дезертирство. Также он отмечал: «В нашу повседневную практику глубоко вкоренился ложный демократизм. Ни одна уважающая себя армия не позволит, чтобы начальник и подчиненный называли друг друга на “ты”. У нас же вне службы обращение между начальником и подчиненным на “ты” широко распространено и не запрещается. Коммунисты и комсомольцы, а вслед за ними и беспартийные на собраниях, вне службы часто обращаются друг к другу, независимо от служебного положения, на “ты”. Это снижает требовательность между начальником и подчиненным, культивирует панибратство, от которого лишь один шаг к нарушениям дисциплины и служебного долга. Все эти проявления ложного демократизма идут в разрез с задачами насаждения советской воинской дисциплины. Их нельзя терпеть в гражданских организациях, а тем более в военных» [10].

По материалам ПУРККА, в течение 1934 г. (за 10 месяцев) вскрыты факты очковтирательства в 52 частях, из них очковтирательства на инспекторских проверках – в 23 частях [11].

Крайне низкий уровень дисциплины приводил к большим потерям среди военнослужащих в мирное время. Число потерь с каждым годом увеличивалось. Так, если в 1938 г. по РККА в результате чрезвычайных ситуаций погибли 1 178 и были ранены 2 904 человека, то в 1940 г. – 2 921 и 7 127 человек соответственно [12]. Для примера можно привести число аварий и катастроф в ВВС. Если в период с 1 января по 15 марта 1937 г. в ВВС было зафиксировано 7 катастроф и 37 аварий, во время которых погибло 17 человек и было ранено 9, то в 1938 г. за такой же период – 41 катастрофа и 55 аварий, в которых погибло 73 человека и было ранено 22. В «Докладе о состоянии партийно-политической работы в частях и школах ВВС РККА за 1939 г.» отмечалась такая же ситуация: «за период с 1 января по 6 ноября 1939 г. в ВВС произошло 144 катастрофы и 362 аварии, при этом убито 269 человек, получили ранения 103 человека» [13].

К концу 30-х гг. сложилась плачевная ситуация с товарищескими судами, вопросы регулирования их деятельности и должностные обязанности не были четко прописаны. В связи с этим 17 января 1939 г. СНК СССР утвердил положение «О красноармейских товарищеских судах», «О товарищеских судах младших командиров срочной и сверхсрочной службы», «О товарищеских судах чести командного и начальствующего состава РККА» [14]. Л. З. Мехлис на II партийной конференции центральных управлений НКО в своем выступлении о товарищеских судах говорил: «Что такое красноармейский товарищеский суд? Что такое товарищеский суд для командиров? Это метод общественного воздействия на того, кто нарушает незыблемые законы Рабоче-Крестьянской Красной Армии, кто нарушает этику взаимоотношений с бойцами, с командирами» [15]. Такие суды являлись общественными организациями для борьбы с аморальными и дисциплинарными поступками. Но осенью 1940 г. развернулась дискуссия по вопросу целесообразности сохранения в Красной армии товарищеских судов рядового и младшего начсостава срочной службы. Прокуратура Союза СССР считала, что «красноармейские товарищеские суды младших командиров срочной службы в Красной армии должны быть упразднены, а все дисциплинарные проступки лиц рядового и младшего начсостава срочной службы... должны решаться властью командира в порядке, установленном дисциплинарным уставом». В свою очередь, Наркомат обороны стремился сохранить эту организацию армейской общественности. В письме на имя заместителя Председателя СНК СССР Р. С. Землячки Маршал Советского Союза С. М. Буденный отмечал: «Товарищеские суды играют

большую положительную роль в том отношении, что суд товарищей пресекает всякие попытки некоторых нарушителей дисциплины... апеллировать к массам на строгость взыскания». Кроме того, С. М. Буденный обращал внимание на то, что «в Указе Президиума Верховного Совета... в качестве наказания за первую самовольную отлучку продолжительностью до двух часов определено предание военному суду» [16]. После этих споров все-таки было решено оставить товарищеские суды красноармейцев и младших командиров срочной службы.

Так, например основными нарушениями воинской дисциплины в Киевском особом военном округе в декабре 1938 г. были контрреволюционные вылазки – 10, вредительство – 1, самоубийства – 6, покушения на самоубийства – 6, убийства – 3, несчастные случаи – 28, членовредительства – 2, дезертирства – 9, пьянки – 9.

Одним из наиболее распространенных нарушений дисциплины в армии стало пьянство, случаи которого до середины 30-х гг. в сводках ПУРККА встречались в несколько раз реже. Так, в политдонесении Политического управления МВО отмечалось: «Значительное усиление пьянства красноармейцев и в особенности комсостава, проходящего часто при участии членов партии и имеющего в большинстве случаев безобразные формы, говорит о недостаточной работе по устранению этого явления» [17].

В связи с распространением пьянства нарком обороны в декабре 1938 г. был вынужден издать специальный приказ «О борьбе с пьянством в РККА».

Начальник ПУРККА Л. З. Мехлис, выступая на Военном совете в ноябре 1938 г., призвал: «Надо покончить с пьянством среди командно-политического состава. Мы не можем терпеть в своих рядах безнадежных пьяниц, позорящих РККА. Ответственные командиры должны быть примером в этом отношении». В связи с возникшей ситуацией было принято решение развернуть пропаганду по вопросам санитарии и гигиены, указывая, что «хорошо поставленная санитарная пропаганда окажет большую помощь в борьбе с пьянством, за физическую выносливость, ловкость и сноровку» [18].

В своих докладах Мехлис постоянно уделял особое внимание борьбе с пьянством. В очередном докладе наркому обороны К. Е. Ворошилову он предлагал: «Нельзя ли пойти немного и по линии зажима торговли водкой в местах, где преимущественно расположены наши части. В селах обильно торгуют вином, других товаров в сельпо гораздо меньше, чем водки. Почему бы не ограничить сельпо в торговле водкой и оставить это дело

только в магазинах районных центров. Это, бесспорно, сократит пьянство в частях» [19].

В 1939 г. при инспектировании 3 корпуса ПВО было выявлено в 339 полку за 4 месяца 8 пьянок с дебошем; в прожекторном полку за 10 месяцев 45 случаев пьянства и 8 – пьянства с дебошем; в полку ВНОС – за 9 месяцев 12 пьянок; в 252 артиллерийском полку за 8 месяцев отмечено 32 случая пьянок [20]. Все эти цифры позволяют с уверенностью сказать, что проведенные мероприятия по борьбе с пьянством результатов не дали.

В докладе начальника ПУРККА Центральному комитету ВКП(б) от 23 мая 1940 г. говорилось: «Пьянство продолжает оставаться бичом армии. Особенно безобразные формы принимает пьянство среди начсостава. Командир не считает зазорным появляться в пьяном виде на улице, в парке, театре и кино, что непонятно населению, предъявляющему высокие требования к Красной Армии и ее начсоставу. В ресторанах нередко пьют водку рядом сидящие начальники и красноармейцы» [21].

В сводках ПУРККА чаще стали встречаться донесения о самоубийствах и покушениях на самоубийства, так, по докладу Главного военного прокурора РККА, число самоубийств и покушений на самоубийства в 1938 г. возросло и составило 832 случая, а в 1937 г. их было 782 [22]. И их рост с каждым годом продолжался. Так, в 1939 г. число самоубийств достигло 1171.

Рост числа самоубийств и покушений на самоубийства военнослужащих побудил военнополитическое руководство страны принять решение об изучении проблемы. ПУРККА, проведя анализ, определило следующие причины: «Борьба с самоубийствами в РККА ведется недостаточно. В особенности недостаточна работа и борьба с этим явлением со стороны партийных организаций. Парторганизации не знают настроения отдельных партийцев, их личных переживаний и волнующих вопросов. Недостаточна работа политаппарата по охвату общественным и политическим влиянием всех военнослужащих, в частности, недостаточно политико-просветительное обслуживание внеслужебного быта начсостава и его семей» [23]. Однако не всегда главные причины самоубийства связывали с Красной армией. Так, в резолюции Военно-политического совещания 7-го стрелкового корпуса по докладу прокурора корпуса о самоубийствах за 1928–1929 гг. было записано: «Военно-политическое совещание признает, что общие причины, predisposing к самоубийству, лежат за пределами Красной Армии и требуют серьезного изучения» [24].

Большим количеством самоубийств выделялся Московский военный округ. Основная причина была связана с недочетами работы отдельных парторганизаций и отдельных лиц начсостава, а также с бюрократическими извращениями, невнимательным отношением к повседневным нуждам, к быту и запросам военнослужащих [25].

В апреле 1939 г. Группа Контроля при СНК СССР при изучении причин самоубийств в Киевском особом военном округе выявила, что за первый квартал в округе произошло 25 самоубийств и 15 случаев покушений на самоубийство. Среди основных причин назывались болезнь, боязнь уголовной ответственности, нечуткое отношение и незаконные действия командиров, морально-бытовое разложение и т. д.

Рост количества чрезвычайных происшествий вызвал появление приказа Военного совета Киевского особого военного округа № 0105 от 2 июля 1939 г., в котором указывался ряд лиц командного и политического состава, виновных в гибели военнослужащих, предаваемых суду военного трибунала. В директиве Политического управления Киевского особого военного округа № 0174 от 3 июля 1939 г. отмечался рост самоубийств в частях и соединениях округа. Ответственность по предупреждению самоубийств возлагалась на командный и политический состав. Но, несмотря на приказы и директивы, в частях округа за июль-август покончили с собой 12 военнослужащих [26].

Военно-политическое руководство страны особое внимание уделяло борьбе с антисоветской деятельностью. За период 1–15 мая 1939 г. зарегистрировано 13 случаев антисоветской деятельности, в том числе: антисоветской агитации – 1; распространение контрреволюционных листовок, лозунгов и надписей – 3 и 1 случай вредительства. Так, типичным проявлением антисоветской деятельности стало дело красноармейца 38 артиллерийского полка 82 стрелковой дивизии Уральского военного округа Пеленова, который агитировал: «За границей рабочие живут лучше. Там нет безработицы. Фашистский строй стремится улучшить положение рабочих путем агрессивных планов. В СССР рабочих эксплуатируют, колхозники на старости лет не обеспечиваются». Красноармеец Быков заявлял: «Не будь я военный, сидел бы где-нибудь в городе и плевал на все» [27].

Однако самое большое число нарушений воинской дисциплины отмечалось в период ведения боевых действий, здесь стали встречаться новые дисциплинарные проступки (мародерство, барахольство, самочинные расстрелы), которые в мирное время не упоминались.

В определенной мере характеризует состояние воинской дисциплины уголовная статистика. Если всех осужденных военным трибуналом в период боев у озера Хасан (июль – сентябрь 1938 г.) принять за 100 %, то процентное соотношение различных преступлений будет следующим: побег с поля боя – 35 %; самовольное оставление части – 7 %; нарушение караульной службы – 8 %; неисполнение приказа – 5 %; халатность и злоупотребления – 14 %; контрреволюционная агитация – 9 %; прочие дела – 22 %. Среди всех подследственных к расстрелу были приговорены 58 %, осуждены на срок от 5 до 10 лет лишения свободы 23 %, от 3 до 5 лет – 15 %, осуждены условно – 2 % и оправданы 2 % [28].

В приложении 6 находится справка об итогах работы 90-й военной прокуратуры на Халхин-Голе. Более 42 % всех следственных дел (122 из 290) были заведены по факту членовредительства. Так, в донесении начальника ПУРККА от 16 июля 1939 г. о ходе боев у реки Халхин-Гол говорилось: «В прибывшей 82 стрелковой дивизии отмечены случаи крайней недисциплинированности и преступности... Личный состав исключительно засорен и никем не изучен, особенно оказался засоренным авангардный полк... В этом полку зафиксированы сотни случаев самострела себе руки» [29].

В реальности этих постыдных действий было значительно больше, что признавалось официально: часть стремящихся таким путем уклониться от боевых действий просто не была выявлена среди раненых, другая часть, после профилактических дисциплинарных бесед, отправлялась назад в подразделения. С 31 мая по 13 сентября ежедневно военная прокуратура заводила до 17 дел по факту членовредительства.

Кроме того, из 77 человек, побывавших в плену у японцев, было предано суду военного трибунала 36, из них осуждено к высшей мере наказания (расстрелу) 4 человека, на 10 лет лишения свободы – 17 человек, от 5 до 8 лет – 12 человек, оправданы 3 человека [30].

Среди наиболее распространенных нарушений воинской дисциплины можно назвать негативные высказывания, как командного состава, так и красноармейцев. Так, в ходе боевых действий на Халхин-Голе встречались следующие высказывания: «Наших бьют так, как никогда не били, уничтожили целую пехотную дивизию, а среди наших командиров оказалось много предателей... не враги ли народа ведут нас сюда, уж больно много их расплодилось» [31].

Встречались случаи позорного бегства с поля боя; в донесении от 16 июля 1939 г. отмечалось: «Полк в первый день боя поддался провокационным действиям и позорно бросил позиции, перед

этим предательски попытались перестрелять комполитсостав бойцы этого полка» [32]. Нередки были случаи побега с поля боя за границу с оружием. Например, 12 июня 1939 г. водитель машины отдельного противотанкового дивизиона 39-й стрелковой дивизии красноармеец П. А. Зимин совершил побег в Манчжурию с оружием, объясняя свой поступок следующим образом: «Лучше идти работать, чем заниматься политзанятиями... Сейчас нас кормят, одевают и обувают хорошо. Готовят из нас пушечное мясо» [33]. 14 июня 1939 г. красноармеец 2 роты 100 отдельного пулеметного батальона Благовещенского укрепленного района Г. П. Языков совершил побег в Манчжурию [34]. Красноармеец М. Ф. Шахов 12 июля перешел на сторону японцев с контрреволюционной листовкой, сброшенной с самолета, сдал японцам ручной пулемет. В плену разглашал военную тайну, фотографировался для газеты «Харбинское время», всячески порицая партию, советскую власть, политруков, порядки в Красной армии [35]. Всего в донесении ПУРККА отмечался 31 такой случай.

Одним из положительных моментов стала работа по повышению авторитета командиров, в частности младших командиров – самой многочисленной части командного состава. В директиве ПУРККА № 103 от 28 сентября 1938 г. подчеркивалась важность воспитания военных кадров, поднятия авторитета командиров, способных в любых условиях принять правильное решение и претворить его в жизнь. «Без этого, – говорилось в директиве, – нет и не может быть дисциплины в Красной Армии» [36].

Для укрепления воинской дисциплины и активизации работы по должному воспитанию личного состава Президиум Верховного Совета СССР 3 января 1939 г. утвердил текст новой присяги и нового положения о порядке ее принятия. Согласно данному положению, воины принимали присягу не коллективно, как это было раньше, а индивидуально. Такой порядок повышал личную ответственность каждого военнослужащего за выполнение своих обязанностей [37].

В пропаганде Военной присяги, разъяснении ее значения много сделала центральная и окружная печать, где систематически публиковались специальные статьи, консультации, ответы на вопросы красноармейцев. Так, в газете «За Родину» была выделена рубрика «Беседы о военной присяге», например 8 февраля 1939 г. в статье «Свято блюсти революционную воинскую дисциплину» было напечатано: «Принимая военную присягу на верность Советской Родине, своему народу и Рабоче-Крестьянскому правительству, воин Красной Армии поклянется быть дисциплинированным, беспрекословно выполнять все воинские

уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников. Красная Армия является единственной в мире, в которой дисциплина является сознательной, вытекающей из характера и природы нашей армии, из служения нашего красноармейца и командира кровным интересам своего великого народа» [38]. Для пропаганды присяги были выпущены специальные лозунги: «Кто не помогает всецело и беззаветно Красной Армии, не поддерживает из всех сил порядка и дисциплины в ней, тот предатель и изменник», «воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии всюду должен давать пример дисциплины, организованности и культурности» [39].

В «Красной звезде» от 11 января 1939 г. был напечатан текст песни Лебедева-Кумача «Песня о присяге». ПУРККА рекомендовало опубликовать ее во всех окружных и дивизионных газетах [40].

Большое внимание уделялось разъяснению для личного состава Закона о всеобщей воинской обязанности, принятого IV сессией Верховного Совета СССР 1 сентября 1939 г., Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за самовольные отлучки и дезертирство».

В Красной армии сложилась такая ситуация, когда необходимо было срочно принимать меры по укреплению воинской дисциплины. Начальник ПУРККА в своем докладе ЦК ВКП(б) заявлял: «Отрицательно сказывается на дисциплине отсутствие Дисциплинарного устава, отвечающего современным задачам армии. В 1935 г. переиздан Дисциплинарный устав, введенный в 1925 г. за подписью Бубнова. Этот Дисциплинарный устав давно устарел и является прошлым днем Красной Армии».

В связи с этим в октябре 1940 г. вышел новый дисциплинарный устав, при составлении которого были учтены коренные изменения. В нем следующим образом определялась сущность дисциплины: «Советская воинская дисциплина есть знание и строгое соблюдение установленного в Красной Армии порядка, основанного на законах Советского правительства и воинских уставах, регламентирующих жизнь, быт и боевую деятельность войск».

В новом дисциплинарном уставе излагались требования, предъявляемые к каждому военнослужащему, и определялись права и обязанности красноармейцев и командиров (начальников) по укреплению воинской дисциплины.

В предвоенный период произошел всплеск нарушений воинской дисциплины, обусловленный:

– во-первых, массовыми репрессиями, которые породили в стране обстановку недоверия, боязни за себя и за жизнь своих родных и близких. Создание атмосферы «классовой» нетерпи-

мости и всеобщей подозрительности предшествовало развертыванию репрессий против командного и политического состава РККА. В этой ситуации основное предназначение политработников стало сводиться к тотальному контролю над политической деятельностью, а уже потом к воспитанию;

– во-вторых, тем, что командно-принудительные методы приобрели самодовлеющее значение (меры принуждения стали преобладать над методами убеждения). Необходимо отметить, что навести порядок в подразделении силами только воспитательной работы или только средствами принуждения невозможно. Основной проблемой стал жесткий дисциплинарный стиль, который предполагался административно-командной системой, возводившей насилие в абсолют;

– в-третьих, неправильной системой воспитательной работы, которая зачастую подменялась политической агитацией и пропагандой решений партии и советского правительства.

Примечания

1. Российский государственный военный архив (далее РГВА). – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 14. – Л. 1–2.
2. Там же. – Л. 3.
3. Там же. – Оп. 36. – Д. 4209. – Л. 2.
4. Там же. – Д. 178. – Л. 27.
5. См.: Сувениров О. Ф. Всеармейская трагедия [Текст] // Военно-исторический журнал. – 1989. – № 3. – С. 43.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). – Ф. 74. – Оп. 2. – Д. 119. – Л. 32.
7. Там же. – Оп. 29. – Д. 12. – Л. 259.
8. Там же. – Оп. 13. – Д. 644. – Л. 2.
9. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 12. – Л. 258.
10. Известия КПСС. – 1990. – № 3. – С. 200.
11. См.: РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 12. – Л. 37.
12. См.: Сувениров, О. Ф. Всеармейская трагедия. [Текст]. – С. 44.
13. См.: Канун и начало войны: Документы и материалы [Текст]. – Л., 1991. – С. 300.
14. См.: Военно-исторический журнал. – 1968. – № 6. – С. 34.
15. См.: Партийно-политическая работа в РККА. – 1938. – № 13. – С. 24.
16. Известия КПСС. – 1990. – № 3. – С. 199.
17. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 13. – Д. 644. – Л. 2.
18. Там же. – Оп. 40. – Д. 61. – Л. 279.
19. Там же. – Оп. 29. – Д. 375. – Л. 60.
20. См.: Там же. – Д. 349. – Л. 203.
21. Известия КПСС. – 1990. – № 3. – С. 200.
22. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 433. – Л. 204.
23. Там же. – Оп. 36. – Д. 4206. – Л. 16.
24. См.: Там же. – Л. 108.
25. Там же. – Л. 17.
26. См.: Там же. – Л. 258.
27. Там же. – Оп. 29. – Д. 394. – Л. 347.

28. Шишлов, А. В. Россия и Япония. История военных конфликтов [Текст]. – М., 2001. – С. 497.
29. Там же. – С. 499.
30. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 505. – Л. 320.
31. Там же. – Л. 255.
32. Шишлов, А. В. Указ. соч. [Текст]. – С. 499.
33. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 394. – Л. 116.
34. Там же. – Л. 146.
35. Там же. – Д. 433. – Л. 206.
36. Там же. – Д. 351. – Л. 45.
37. См.: Партийно-политическая работа. Указ. соч. [Текст]. – С. 171.
38. Григорьев, М. Свято блюсти революционную воинскую дисциплину [Текст] // За Родину. – 1939. – 2 февраля. – С. 3.
39. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 40. – Д. 60. – Л. 30–32.
40. Там же. – Л. 90.